

Аника Вишес

В тени
большого
дерева

Аника Вишес

В тени большого дерева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19395343

ISBN 9785447498542

Аннотация

Алина Весенина совсем скоро должна окончить школу и выйти во взрослую жизнь. Неуверенность в своем выборе, волнение перед экзаменами, конфликты с родителями и одноклассниками, интриги завистников, давление со стороны учителей – детали повседневности, однажды толкающие девушку на отчаянный шаг. Любовь и ненависть, дружба и семейные ценности, большие мечты и столкновение с суровой реальностью. Все это ждет героиню книги и ее читателей в тени большого дерева.

Содержание

#дом	5
#школа	13
#папа	23
#я_не_лузер	29
#одноклассники	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

В тени большого дерева

Аника Вишес

Дизайнер обложки Алёна Мунирова

© Аника Вишес, 2018

© Алёна Мунирова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-9854-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#ДОМ

Я открываю дверь своим ключом и, пройдя в нашу небольшую и бедновато обставленную квартиру, устало бросаю тяжелую сумку с книгами в прихожей. Наконец-то дома! А я уж думала, что на сегодня этим пыткам и конца не будет.

– Мам, я пришла!

Ответа нет. Только из кухни слышен громкий звук работающего телевизора и мамин голос, пытающийся перекрыть то ли его, то ли того, с кем она говорит по телефону:

– А я говорю, не понимаешь! Тебя жизнь еще потому что не била! Вот дождешься! Достанется и на твою долю! Тогда по-другому запоешь! Сама увидишь! А я дождусь! Вот посмеемся тогда, как ты в своем же дерьме ползать на карачках будешь!

Я встаю в проеме кухни и, сделав непроницаемое лицо, повторяю:

– Я дома, мам. Привет.

Она шикает на меня, машет рукой и, прошаркав тапками к кухонной двери, закрывает ее передо мной. Я иду мыть руки.

Мне сразу стало ясно, с кем она ведет этот разговор на повышенных тонах, да такой важный, что и прерваться невозможно. Конечно, на другом конце провода моя старшая сестра Таня. Интересно, о чем скандал на этот раз? Потом напи-

шу ей ВКонтакте, поинтересуюсь. Наверняка, снова дичь какая-нибудь.

Они ругаются, сколько я себя помню, а я хорошо помню свое детство.

Вот мне годика три, не больше, а Таньке тринадцать. Я сломала одну из ее коллекционных лошадок, которых она обожала и собирала долгие годы. Она намерена не меньше, чем убить меня за это, ведь я разгромила весь ее стол, добывая заветную фигурку с верхней полки, куда она ее любовно припрятала. Я мечусь по комнате и истошно ору, а Танька ловит меня, желая отомстить. Она такая злыдня, что я боюсь ее, как огня. Высокая, сухая, нескладная. Растопырив ручки, она мастерски загоняет меня в угол, где, схватив за косу, начинает лупцевать, а сама плачет. Под ногами остатки ее любимой вещи. В комнату влетает мама и с криком кидается оттаскивать от меня сестру. Подоспевший папа сгребает отчаянно сопротивляющуюся Таньку за плечи и против воли, вопящую, выкидывает на лестничную клетку и захлопывает дверь.

Я реву. Свежие оплеухи болят. В два голоса родители утешают меня, приносят с Танькиного стола и полка все ее вещи, все сокровища. Я могу играть с ними, сколько захочу, говорят они. Танька молотит в дверь и кричит, чтобы ее впустили. Она не просит, она требует.

– Вот когда извинишься и научишься себя вести, как положено, тогда и впущу, – гремит папа и закрывает дверь

на главный замок, чтобы она слышала.

За дверью воцаряется тишина. Ни новых стуков, ни извинений. Ну и пускай. Так ей и надо.

Я тогда была так довольна собой, так рада всем ее сокровищам. Сначала я сидела с мамой и папой на кухне и под шум телевизора играла с тем, что они мне дали, потом отправилась в комнату, чтобы самолично посмотреть, нет ли еще чего интересного. Бояться теперь было некого, и сестрино имущество было в моей полной власти. Я долго рылась в ящиках стола и на полках, вороша всякие диковинные штуки, открытки, украшения. Потом вспомнила о поломанной игрушке и подняла ее с пола. Фигурка коня осталась без одной ноги, но мне она и так нравилась. Коник весело скакал в моих руках по столу на трех ножках, а на полу рядом с его отломанной конечностью лежал Танькин домашний тапок. Всего один.

Я не помню, как и во сколько родители открыли дверь и впустили сестру домой. Возможно, я уже спала. Знаю, они долго песочили ее, потому что на утро она ненавидела меня больше прежнего. Я помню ее злое лицо. Мой вечерний триумф тогда рассеялся без остатка.

Сейчас мне очень стыдно перед ней за тот случай и за многие другие подобные, которых был, наверное, миллион. И всегда родители принимали мою сторону и ругались с сестрой из-за меня. Не знаю, как они общались с ней десяток лет до моего рождения, но с момента появления на свет я все-

гда была в фаворе, любви и благодати, а Танька в дичайшей, строжайшей опале.

С годами их отношение к ней не изменилось. Зато наше с сестрой общение поменялось кардинально.

Помыв руки, переодевшись в домашнее и снова помыв руки, я иду на кухню, чтобы разжиться чем-нибудь съестным. Телефонная баталия уже утихла, и мама греет мне суп.

– Таня звонила?

Мама молчит.

– Как у нее дела?

– Ф-ф-ф!!!

Раздраженное фырканье в ответ. Скорее всего, она даже не знает, как там у нее дела. Впрочем, она не знает, как дела и у меня. Не то, чтобы я делала из этого секрет, просто этим как-то не интересуются. Иногда мне кажется, что родители считают меня домашним животным или типа того. Я сыта, здорова и ладно, остальное мелочи. Хотя нет, есть еще кое-что важное.

– Руки?

Я уже знаю, о чем будет речь, но специально прикидываюсь:

– Что «руки»?

– Руки мыла?

– Ну, мыла.

– Покажи.

Закатив глаза, я протягиваю только что помытые ладо-

ни на осмотр. У меня, наверное, лицо, как у Христа на распятии, только руки вытянуты вперед, а не в стороны, хотя я стремлюсь сделать выражение похожим на гримасу Дауни-младшего в меме из интернета.

– Ой, мыла она! Я же вижу, что не мыла. Знаю я. Сунешь руки под струю и вынешь сразу. Я полотенца не успеваю менять за тобой! На второй день уже в разводах все!

– Да мыла я!

Я-то знаю, что мыла. Два раза!

– Не рассказывай. Мой руки. Пока не помоешь, есть не будешь.

Иногда я просто уйду в таких случаях, но сегодня уж больно кушать хочется. Семь уроков и занятия с репетитором кого угодно измотают и заставят проголодаться. Так что в этот раз я буду есть. И руки помою, не развалюсь.

Закончив с гигиеной под лекцию о кольчатых червях и прочих мерзостях, способствующих, очевидно, по мнению матери, улучшению аппетита, я наливаю себе суп и иду за компьютер. Лекция о червях сменяется монологом о вреде компьютера и его губительном излучении. По ходу движения я осторожно ногой закрываю двери, чтобы не слушать весь этот бред, и, наконец, сажусь за комп.

Алинка 20:01:03

Прив. Как дела? Чо, с мамкой опять поругались?

Татьяна 20:01:14

Привет. Да, немного.

Алинка 20:01:37

Что на этот раз?

Татьяна

...печатает...

Она долго будет печатать. Я успею поесть.

Неспешно отправляя в рот ложку за ложкой, я просматриваю новости и сообщения от моих «друзьяшек». Конечно, я и в школе с телефона могла бы ответить на некоторые, но в одиннадцатом классе на уроках отличникам обычно не до того. Наконец, от сестры приходит жуткий длинный пост.

Татьяна 20:04:52

Короче, дело было так. Она мне позвонила, чтобы рассказать последние новости. Какая-то Ольга Степанова, которую я почему-то должна знать, попала в больницу с побоями. Ее избил муж. Он пил. Но наша сумасшедшая мать его, вроде как, оправдывает т.к. у него год работы нет, и ему не устроиться, а у него и высшее образование, и вообще. А я слушаю и ох@еваю. Во-первых, я не помню эту Ольгу Степанову и в душе не е@у, почему должна и помнить, и интересоваться

ся событиями ее биографии. Ах, оказывается, она со мной училась в параллельном клаааассе! Аллилуйя! Но мне это не важно т.к. я школу окончила, и всю эту тусовку забыла, как страшный сон. Школу я ненавидела. Ну, ты знаешь. Второе: я не понимаю, почему в этой истории можно оправдывать ее мужика. Какой-то опустившийся алкаш отмудох@л свою неказистую бабенку. Бабенка в больнице, общественность в приступе, маман рукоплещет. Короче, я сказала, что мне ехало-болело, что там у них происходит, и е@ись они развалились со своими чеховскими трагедиями маленького человека. Я знать не хочу и слышать не желаю. И не надо засир@ть мое информационное пространство этой чернухой. И да, мне не интересно, что работы нет нормальной и зарплаты нет. Кому надо, у того есть. Мне надо, у меня есть и работа, и зарплата. А этим бездарностям только и охота, чтоб дали тепличные условия, иначе им все виноваты. Короче, меня не колышет чужое горе. Вот. Ну, и тут начались ожесточенные бомбардировки с ковровым говнометанием, что это меня жизнь не била, потому я не имею сострадания. А я даже и говорить об этом не желаю. Я считаю, что говна в моей жизни было предостаточно, а желать мне еще большего может только человек, глубоко меня ненавидящий, но никак не мать. И было все: лишение меня наследства, отлучение от церкви и от титьки. В лучших традициях наших бесед. Вот, кажется, и вся история.

Алинка 20:06:13

А Ольга-то эта чо, поправляется?)))

Татьяна 20:06:20

Ой, да иди ты...

Алинка 20:06:25

Да лан, я шучу))) Пи@дец, конечно, чо. Но это ж как все-

гда

¬_ (#) _/

#школа

Мимо песочницы через двор, за угол красного кирпичного дома, мимо отделения банка, магазинчиков и автобусной остановки. Потом постоять на перекрестке, пока проезжающие машины не пропустят меня, затем по тротуару до самых ворот школы, которые никогда не закрывают. Зачем огорчаться и ставить ворота, если они все равно нараспашку? Или это еще с советских времен? А тогда от кого они запирались, если не было ни бандитов, ни преступности, все были честные и высокодуховные, и верили в Ленина и Сталина, как в богов? Что-то здесь не сходится. Бабки на лавочке полюбому не договаривают, когда благоговейно вспоминают те времена.

Каждый будний день и иногда в выходные я прохожу этот путь дважды, туда и обратно. И так уже почти одиннадцать лет подряд. Меняются времена года, меняются мысли в моей голове, меняются незначительные детали моего крохотного путешествия. Вот положили новый асфальт, вот какой-то лихач сбил дорожный знак пешеходного перехода, вот поставили новый. Коммунальная служба спилила старый тополь вдоль дороги. Кто-то будто латает эту износившуюся до дыр реальность, чтобы матрица не утратила своего мрачного очарования.

Я любила бы эту незримую дорожку миллиона моих сле-

дов, не веди она к школе.

Школьные годы чудесные, говорите? Знаете, что я отвечаю? Тот, кто это придумал и написал – лицемерная сволочь, и либо сам никогда не учился в школе, либо страдает склерозом, так как напрочь забыл, что это такое.

Школа в моей жизни выполняет сейчас две функции, которые почему-то одна без другой не обходятся. Первая, конечно, выдача знаний. Мы умолчим, что знания эти избыточные, часто ненужные, и их объем превышает способности нормального человека к усвоению новой информации **МНОГОКРАТНО**. Допустим, это просто я тупая. Тут мы приходим ко второй функции. И если верить ей, то да, я тупая. Дочь образованных родителей, отличница, спортсменка, комсомолка. Я тупая. И ты тупой, тот, кто это читает. И вообще все тупые! Все, кто за партой, все априори тупорылые, безграмотные, пропащие неучи, люди без мозгов и без будущего. Это нам внушают каждый день и на каждом занятии. Это и есть вторая задача, причем на этом, очевидно, выставлен главный акцент. **УНИЖЕНИЕ**.

Вот и теперь наша классуха, выполнив дневной план по выдаче знаний неокрепшим умам, трудится, вкладывая в нас осознание того, что мы пропащие люди.

– Вы вообще понимаете, что вы делаете?! Какое вас ждет будущее?! Вы ничего не добьетесь! Вы никто с таким подходом! Ноль без палочки! Эта полы пойдет мыть! Эти... Что смеетесь?! На стройку пойдете песок с цементом мешать

оба! Что досмеетесь...

Что плохого в работе на стройке, она не уточняет, конечно же. А я вот навела справки. И выяснила, что кто-то, извините за выражение, запи@делся. Заходим на любой сайт поиска работы и сравниваем. И видим, что обычному пареньку-разнорабочему готовы платить в полтора раза больше, чем мелкому клерку в офисе. И кто из нас тупой?

Конечно, я не сама до этого додумалась. Поначалу меня тоже пугали все эти речи про беспросветность и про то, что мы – конченные личности. Дома и в школе одно и то же, одно и то же. Поневоле поверишь и испугаешься. И я дико боялась пока однажды...

– Ты чего это? Ты плачешь что ли?

Танька ненадолго заскочила к нам, поговорить о делах и поделиться новостями. У нее, как обычно, все было хорошо. Карьера шла в гору, деньги рекой. Тогда она еще верила, что в этом доме есть, кому разделить ее радость, но, увы, ошибалась. Родителям было все равно. Им всегда все равно. Мне же было не до того. Я ревела от злости и беспомощности, закрывшись в дальней комнате. На двери нет ни замка, ни задвижки, потому что в этом доме никто не имеет права прятаться от чьих-то глаз, даже если очень хочется. Но я приспособилась. Сразу за дверью стоит тяжеленный бельевой комод, и если выдвинуть ящик, то он отлично блокирует открывающуюся дверь. Я предпочла бы в такие моменты просто заколотиться изнутри досками и остаться здесь на-

всегда, но...

– Не плачу я. Уйди, я попозже выйду.

Губы предательски искривились, нос заложило, и, конечно, было слышно, что я вру и на самом деле плачу. От этого делалось еще паршивее. Я не сдержалась и зарыдала в голос.

– Алина,пусти меня, а?

Она говорила тихо. Дверь легонько стукнула о ящик.

– Слышишь? Впусти. Мне уезжать скоро. Так и не увидимся.

Я открыла. Только ей. Больше никому ни за что бы не отперла. Сестра тихо скользнула в комнату и снова выдвинула ящик, закрывшись.

– Оооо, что это ты? Раскисла? А что случилось?

– Ничего!

– Ну, раз ничего, то пошли чай с тортом пить. Но лучше ты мне Расскажи, а потом пойдем. Мне, правда, интересно.

– Да ничего! Ничего не случилось! Трояк мне вlepили, хотя я все ответила, а так ничего не случилось! Эта тварь валит меня, хотя я все учу! И пойду в дворники после школы из-за нее, а больше ничего не случилось! Я тебя послушала, я так хотела! Я думала, смогу хорошо учиться, на вышку пойду потом, всего добьюсь, а выходит, что нихрена подобного!

– Ну, во-первых, одна тройка ничего еще не значит. Во-вторых, в дворники тебя не возьмут, ты подметаешь плохо.

– Хорошооо!!!

Мать заставляет меня мести пол иногда по три раза

на дню. Ей постоянно кажется, что у нас грязно, и еще таким образом она, по ее словам, прививает мне привычку к чистоте. Поэтому уж что-что, а полы я мету прекрасно.

– Ах, ну раз хорошо, тогда да, тогда возьмут, конечно, – она начинает смеяться. – Вот только тебя много еще, куда возьмут, так что в дворники я бы не торопилась.

– А говорят, что не возьмут! Никуда!

– Кто говорит?

– Да все! Все говорят!

– «Все» значит «никто», помнишь? Кто конкретно говорит?

Конечно, я помню. Когда тебе что-то объяснили, и ты отвечаешь, что тебе непонятно «все», значит, ты просто не хочешь понимать. Всегда есть что-то конкретное. Танька как-то сказала мне это, а откуда она узнала, я не знаю, но мысль мне показалась верной и очень понравилась.

– Ну, учителя так говорят, родители тоже... Одноклассники...

– Очень интересно. Знаешь, сколько платят учителям? Сильно ниже среднего, если это не какая-нибудь элитная гимназия или лицей. Посмотри, как и во что одета твоя учительница, и спроси себя, что она знает о хорошей жизни. Она знает примерно то, что вычитала в дешевом любовном романе и высмотрела в низкопробном сериальчике по ящику. И вот эта плохо одетая женщина с нищенской зарплатой рассуждает о том, кто будет успешным, а кто нет, и кто куда

пойдет. Задай себе вопрос, много она может знать об этом? Что в ее понятии успех, хорошая работа? Работа училки? С вами, обалдуями, на мизерной зарплате? А про родителей вообще молчи. Маман наша кто?

– Домохозяйка, – до меня, кажется, начинала доходить ее жестокая, но жизненная логика.

– Правильно. Она давным-давно не работает. Что она может знать? И откуда? Из телевизора? Или ей соседка сказала? Кого ты слушаешь?! Это все не те источники.

– А папа?

– Пошли, спросим, сколько у папы зарплата. И сравним с моей. И у кого больше, тот и прав, давай?

Конечно, я знала, что она больше зарабатывает, вот только...

– У тебя, получается, ты одна умная, все кругом дураки. Я Д`Артаньян, все пидор@сы. Так что ли?

– Смотри про что говорить. Мы же про работу говорим. Про оценки, про трудоустройство. Кто как учился, и что из этого вышло.

На эту тему мне, действительно, стоило слушать именно ее. Она не окончила школу из-за конфликта с учителями. У нее нет высшего образования, но зато есть все остальное – вообще все, чего ей хочется. И всего этого она добилась сама, а я до того момента как-то даже об этом не задумывалась. Так иногда бывает, что ты не замечаешь того, что под самым носом. Лицом к лицу лица не увидать. Тоже Танька однажды

сказала, но это она о другом.

– Кто там у нас еще остался из «всех»? Одноклассники? Объяснить, почему они могут нахрен идти со своими суждениями?

– Не надо, – послушав ее, я всегда успокаиваюсь. Она говорит зло, критично, но ее взгляд на вещи неизменно обнадеживает. – Я и сама понимаю, что они только повторяют то, что им говорят другие. Та же училка говорит и родители-неудачники. Понятно, конечно, что мои одноклассники – просто стадо наивных оленей. Они ничего не знают про то, как надо.

Конечно, как и я сама...

– Так, разбираем анкеты, начинаем заполнять.

Очередная тоска. Миллион раз уже были опросы, анкеты, формы. Посмотрим, что на этот раз.

Фамилия/Имя/Отчество: Весенина Алина Дмитриевна

Год рождения, школа №...

Пока все по стандарту.

Предполагаемое место обучения после окончания школы.

Опять начинается!

– И помните! Высшее образование дает ключ к счастли-

вой жизни, хорошей работе! Без него сейчас никуда! Только диплом о высшем образовании открывает все двери!

Ну да, ага. Я знаю одну злую девочку, с которой вам стоит это обсудить. Она, правда, и говорить с вами не захочет, и, проезжая мимо на своем новеньком кроссовере, колесом раздавит вашу ногу в дешевой туфле.

Картина того, какого шороху могла бы навести моя сестра, показалась мне забавной. Я улыбнулась своим мыслям, опустив голову, чтобы никто не сделал мне замечание.

Класс дружно заполняет скучные формы. Надо продолжать. Меня никто ждать не будет.

Что же написать-то? Если б я знала точно, куда я пойду...

На носу окончание школы, осталось каких-то два месяца, а я до сих пор не знаю. Идти мне в ВУЗ или нет? И если идти, то зачем? На какой факультет? Как же я устала от этого повышенного внимания, от этого мнимого беспокойства обо мне и моей судьбе. Я ведь никчемная, как и все мы! Ну, вот и оставили бы нас всех в покое!

После классного часа я, наконец-то, направляюсь домой. Уже на выходе с территории школы меня окликают одноклассница. Компания девчонок и парней из моего класса и из параллели что-то обсуждает, сбившись в круг. Я подхожу к ним.

– Чо вы тут? Шу-шу-шу?

– Ну. Ты вот что написала? Куда потом идешь?

Я внутренне собираюсь. Врать всегда тяжело.

– Я говорила уже. Менеджмент, наверное.

– А куда именно?

– Да не знаю я пока. Потом подумаю. В несколько, наверное, ВУЗов.

Интерес ко мне пропадает, но я остаюсь, чтобы послушать, что говорят другие. И тут мне становится как-то гадко, чем дальше, тем больше.

Универ, Универ, Институт, Универ...

– А Смирнов Леха куда идет?

– Говорит, тоже туда же. Университет Права и чего-то там.

– Не поступит. Пойдет на стройку, или двор мести, или бутылки собирать.

– А что, еще принимают где-то бутылки?

– У Лехи и спросишь потом, принимают или нет!

Все ржут, как кони, а мне как-то не по себе от этого всего. И от того, что они так уверены в своем поступлении, и от того, что это преподносится, как единственно верный путь. И еще, наверное, от того, что они думают, как и учителя: кто не поступит или не будет поступать в ВУЗ, тот никогда ничего не добьется в жизни.

Я не знаю, чего хочу. Вернее знаю, но не знаю, куда мне поступать. Я хочу свой салон красоты, хочу работать на себя и делать то, о чем всегда мечтала – создавать красоту, преображать людей и мир вокруг. Я обожаю косметику, обожаю смотреть уроки по макияжу или мастер-классы по стрижке и покраске волос. Иногда совсем невзрачная девочка или

женщина изменяется до неузнаваемости в руках мастера. Это почти магия! Думаю, у меня бы получилось сначала самой стать хорошим мастером, а потом и организовать свой салон, делать что-то подобное. Вот только... Когда я говорю об этом родителям, ища поддержки или сколько-нибудь обоснованного мнения...

– Парикмахеров учат в училищах. Ты что, хочешь там со всякими троечницами пиво пить в общежитии? А потом с ними же и на панель пойдешь подрабатывать?! Мы не для того столько денег тратим на репетиторов! Ты совсем, что ли, спятила?! Куда угодно иди, что угодно делай, но только чтобы было, как у нормальных людей!

#папа

Едва успев поест после занятий, я сразу сажусь за домашнее задание. Конечно, кто-то скажет, что я ботан, что я скучно живу. Мне моя жизнь тоже не особо нравится, но какая альтернатива? Не учить, нахватать троек и двоек? Я молчу о том, что начнется на родительских собраниях, какая разразится истерия по этому поводу дома. Венценосная дочь-отличница опустила и позорит семью! Вой будет стоять такой, будто бы у нас дом сгорел.

Такими вещами меня уже не проймешь, конечно. За годы жизни в моей семье и учебы в моей школе у меня выработался некоторый навык, устойчивость к подобным атакам. Мне просто все равно, что на меня будут кричать. Или это уже оупение, омертвление души? Даже думать об этом не желаю.

Я хочу думать о будущем. Вот, что меня по-настоящему волнует. А какое будущее может быть у троечника? Понятно, что оценка – не всегда показатель знания, но лично я не знаю ни одного умного и сообразительного троечника. Все они слегка туповаты, если хуже не сказать. И я не хочу, чтобы меня поставили с ними в один ряд. Снова.

Не буду врать, я не всегда была отличницей. Сначала, в младших классах, я училась хорошо. Потом плавно заняла место в средней массе в целом успевающих за программой. А затем и вовсе скатилась.

Меня это мало тревожило, так как тогда за плохие оценки меня не ругали. Впрочем, за хорошие ведь тоже не хвалили, так что все честно.

– Главное – не то, как ты учишься и сколько знаешь. Главное – быть хорошим человеком, – эту или похожую фразу папа говорит всякий раз, как я начинаю грустить из-за плохих оценок.

Она меня, несомненно, утешала раньше, вот только было одно «но»:

– А Таня хорошо училась в школе?

– Ну, так, не плохо, – он пожимает плечами. – Ты можешь посмотреть ее старые дневники и сама решить, хорошо она училась или нет.

– Я смотрела, – я нашла их как-то в дальнем углу шкафа и все пересмотрела. Ее дневники и тетрадки, альбомы для рисования. – Она училась намного лучше меня.

Он кладет свои большие руки мне на плечи, утешая, потом гладит по голове, будто я совсем еще маленькая, и говорит:

– Ну, не всем же даны одинаковые возможности.

Я слышала эту фразу миллион раз. Она давала мне индульгенцию на двойки и даже колы. Казалось бы, что может быть лучше. Сестра такая, я другая. Все просто. С меня и спроса никакого. Не жизнь, а лафа. Но однажды Таня услышала, как он это сказал. Это был мой, кажется, седьмой класс. Она отвлеклась от своих дел, подошла к нам и внима-

тельно осмотрела меня, демонстративно выдерживая молчаливую паузу. Затем сказала отцу так, будто меня здесь и нет:

– А она что у вас, даун?

Папа по природе вообще человек мягкий. От Танькиного резкого тона он всегда немного теряется. Вот и в этот раз он беспомощно улыбнулся и спросил:

– Ну, почему же сразу даун...

– Я не даун! Сама ты даун!

Только тут сестра перевела на меня глаза.

– А ты вообще молчи. Слышишь, что отец сказал?! Ты тупая! Умственно неполноценная. Таким обычно слова не дают.

– Я же не сказал, что она отсталая... Я просто имею в виду, что у всех от природы разные способности. Вот тебе, например, дано было хорошо учиться. Ты могла и не читать по два раза, и не повторять, и на дополнительные занятия не ходить. Я тоже так учился, я так и Институт окончил. А Алина другая, у нее другие гены.

– Хочешь сказать, не твои.

Танька сложила руки на груди и смотрела насмешливым бесом. Я понимала, что сейчас она со всем свойственным ей садизмом будет подобными суждениями загонять отца в угол и доведет до истерики.

– Почему не мои... И мои тоже. Но в этом она, видимо, в маму.

– А, выходит, у нас мать тупая. Мама! Мам! – кричит она,

но на кухне шумит вода, и мама, наверное, не слышит. — Ладно, я за нее скажу. Она хорошо училась в школе. Тогда у меня вопрос: в кого уродился этот тупой индивид?

Папа краснеет.

— Да что ты заладила, тупая да тупая!

— Я не тупая!!!

У меня от обиды навернулись слезы и скривилась нижняя губа. Всегда она так! Она ненавидит меня и нас всех!

— Зачем ты все это говоришь?! Как ты можешь называть сестру тупой?!

— Я не могу. Это ТЫ ее так называешь. Это ТВОИ слова, что ей не дано. А ты сам хоть понимаешь, что ты ей говоришь, какие установки в жизни ты ей даешь?!

— Какие еще установки?! — отец переходит на крик.

— Не понимаешь? Я тебе объясню, раз ты сам себя не слышишь. Ты этим своим тезисом, что ей не дано хорошо учиться, отнимаешь у нее всякую надежду на успех. Ты ей говоришь, что она не сможет потому, что ей не дано, она глуповатая, не способная чего-то добиться. Хотя это совсем не так. У всех есть шанс. А ты пораженца воспитываешь! Человека, который уже проиграл, даже не попробовав! А он и попробовать не будет потому, что ему с детства внушают, что он второго сорта. Ты заведомо занижаешь ей планку. Это отвратительно!

— Да что отвратительно-то, что я не так говорю?! И вообще, с какой стати ты мне тут будешь замечания делать?!

Как мне детей воспитывать! Вот родишь своих, их и будешь учить! Мы тебя как-то воспитали, и ее воспитаем без твоих советов как-нибудь!

Я слушаю их, склонившись над тетрадкой, и не вмешиваюсь. Слезы невинной обиды текут по щекам. Пара уже упала на лист, и несколько цифр поплыло, но мне плевать. Пусть хоть все расплывается. Я же не способная, не то, что Танька.

Между тем сестра продолжает выяснять отношения с отцом. Она уже не говорит на повышенных тонах. Теперь ее голос тихий и насмешливый.

– Меня вы воспитали? Вот как? Вы же говорили, что я – ваша большая ошибка. Так как же выходит, что ты так уверен на моем примере, что справишься со вторым ребенком?! Первый-то с брачком вышел...

– Когда это я такое говорил? Что ты врешь?! – его голос дрожит от злости и волнения.

– Говорил. И ты, и мать. Что я – ваша ошибка и оплошность, что я моральный урод, что меня надо было после выписки из роддома сразу в ведре холодной воды утопить, подушкой задушить надо было. Скажешь, что не говорили?

Она смотрит на отца с неясным мне выражением радости и торжества. Папино лицо налилось кровью. Мне страшно на них смотреть. Воздух в комнате, кажется, сейчас начнет мерцать и шелкать от повисшего напряжения. Вода на кухне затихла.

– Что это вы тут так шумно обсуждаете? – мама входит

к нам, вытирая руки о фартук.

– Да вот, вечер воспоминаний. Папа не помнит, как говорилось, что меня в ведре надо было утопить потому, что я – урод. Ты-то хоть помнишь? Или у всех в этой семье память отшибло?

Мамины глаза сузились и ожесточились.

– Дима, пойдем, что ты с ней споришь, – она подходит к отцу и уводит его из комнаты. – Пойдем, черт с ней!

Танька улыбается и со смехом кричит им вдогонку, когда они уже вышли из комнаты в прихожую:

– То есть, ты тоже не помнишь, да? Странная у нас семья! Никто ничего не помнит!

Почему же никто? Я помню. Эти слова, и правда, говорились ей не раз. Эти и многие другие. Но я не подаю голоса и только молча утыкаюсь в учебник. Танька странная. Она смеется, хотя от всего этого хочется плакать. Мне ее жаль. И себя жаль еще больше. Из меня, действительно, воспитывают лузера.

А потом я стала учиться хорошо. Правда, все было не так просто и быстро, как мне бы хотелось.

#я_не_лузер

После того случая я с Танькой долго не говорила. Пока в один прекрасный момент на зимних каникулах не поссорилась с родителями. Тогда сестра неожиданно пригласила меня к себе на пару дней. Она планировала погулять по городу, сходить туда, где я никогда не была, но я так устала от скандалов и ссор, что попросила просто дать мне возможность посидеть дома. Мы смотрели фильмы, растянувшись рядом на огромной двуспальной кровати, обложившись, как игрушками, двумя ее котами и собакой.

Она разрешила мне проинспектировать содержимое ее шкафа и косметички, померить понравившиеся вещи и накраситься. Мне тогда только исполнилось четырнадцать лет, но я более крупного сложения, чем она, и потому Танины вещи были мне как раз.

Когда еда в холодильнике стала заканчиваться, мы собрались в магазин. Единственное, по сути, серьезное дело за все время моего отдыха в гостях.

На улице было уже темно, везде горела новогодняя иллюминация. И с погодой повезло. Свежий белый снег тихо хрустывал под ногами. Я почувствовала, что устала овощевать под filmy и от тупого лежания на кровати свалюсь, как старое ватное одеяло.

– Давай не сразу пойдем в магазин, а сначала погуляем

немного?

Собака, которую сестра захватила с нами, нюхала свежий снег и куда-то неистово тянула нас, тоже намекая на большую прогулку, поэтому Таня согласилась.

Мы шли по улице. Машин почти не было, по тротуарам прогуливались поздние прохожие. По одному и группами, люди всех возрастов, влюбленные парочки, компании подростков, семьи с детьми. Кто-то шел в гости с подарками, кто-то запускал фейерверк в сквере. Так торжественно, празднично и весело, что в душе сама собой загоралась бенгальским огоньком маленькая радость за этот глупый мир. Мне хотелось просто идти и улыбаться, молчать и мечтать о чем-то хорошем. Неожиданно сестра прервала мои мысли:

– Я давно хочу извиниться. В праздники же принято просить прощения. Вот и я чувствую, что должна это сделать. За те слова...

– Да знаю я. Забудь.

Конечно, я знала, что она захочет загладить вину за свои слова про дауна. Вот только я много думала и пришла к выводу, что вины-то никакой и нет.

– Я тогда слишком грубо себя повела.

– Нормально. Это ведь правда. Не то, что я даун, конечно, а другое. Ну, то, что если человеку говорить, что он слабый, он таким и будет. Если человека называть ослом, рано или поздно он скажет «иа». Поговорка такая.

– Это не просто поговорка. Ты вот знала, что если чело-

веку в течение короткого времени, например, одного утра, несколько людей скажут, что он плохо выглядит, спросят, не болен ли он, то этот человек, действительно, почувствует себя нехорошо? Даже решит, что он приболел. Можешь в школе поставить эксперимент над кем-нибудь, если подговоришь пару человек тебе подыграть. Я так делала, это работает. Вот и тут то же. И меня это дико накаляет. Они же родители. Они должны добра желать. Поэтому я и взъелась. Ну и, пффф... – она выпустила воздух сквозь губы, будто собираясь с духом. – Прости меня, пожалуйста.

– Я тебя прощаю!

Сказав это, я мимимишно улыбнулась и, взяв ее за руку, стала раскачивать наши сцепленные ладони вперед-назад, как маленькая. Я дурачилась потому, что мне было неловко. Конечно, я давно ее простила. Папа всегда говорил, что я – очень добрый ребенок. Он, конечно, во многом не прав, но эту мою черту подметил точно.

Когда мне надоело изображать маленькую девочку, я взялась провести собаку, которая продолжала ошалело тянуть вперед, и спросила, как бы между делом:

– А ты, правда, считаешь, что я могла бы тоже хорошо учиться?

– Конечно. А почему нет?

– Ну, я так-то не очень хорошо запоминаю и вообще...

– Мозг тоже можно развить, накачать его, если тебе так понятнее. Возможно, в твоем случае просто не хватает кон-

центрации внимания. Вот о чем ты на уроках думаешь?

Я ответила честно, хотя и понимала, что это прозвучит довольно забавно:

– Блин, я на уроках есть хочу. Вот правда. Столько занятий просто...

– А на большой перемене кормят в столовке?

– Ага, только вот там много неблагоприятных всяких пьется, а мне родители на пирожки денег дают.

– Понятно. Потому и задница в четырнадцать лет, как у меня в двадцать четыре.

Я сильно пихнула ее локтем под ребра:

– Слышь?!

Она слегка отшатнулась от моего тычка, но тут же улыбнулась и, пихнув в ответ, усадила меня в сугроб на обочине дорожки.

– На правду не обижаются! Сама джинсы мои мерила, еле влезла!

Я уж подумала на нее все-таки обидеться, но Танька протянула мне руку, помогая встать. Затем встала над моим отпечатком в снегу.

– Полюбуйся, какой слепок. Очаровательные булки. Мне кажется, или у меня меньше?

– Проверь!

Я толкнула ее в тот же сугроб, но она упала боком, поэтому сравнить отпечатки точно не получилось. Но мы все равно смеялись. Танькина собачка, чувствуя общее настроение,

скулила, лаяла и подскакивала вверх, как цирковая.

Немного успокоившись, после того, как Танька встала и отряхнулась, мы зашагали дальше.

– Хочешь тайну? – внезапно спросила она.

– Валяй.

– Я не всегда хорошо училась.

Я вскинула брови потому, что была искренне удивлена.

– В твоём возрасте я училась немногим лучше тебя.

На моём лице отразилась неуверенная, недоверчивая улыбка. Мне показалось, что она привирает потому, что просто хочет меня подбодрить.

– Э-э-хе-хе, нееетушки. Я видела твой дневник!

Да! Патамушта я сыщик! Я нашла его в шкафу!

Но Таня даже бровью не повела.

– Отлично, что видела. За какой класс? За восьмой или девятый, за последние годы? Других ты видеть не могла, так как я спалила их на даче. В костре, когда мы жгли листья.

По ходу, все складывалось в точности так, как она говорит.

– Нууу...

– Вот тебе и ну. Я была в похожей ситуации. Но я подтянула учебу. И считаю, что раз я смогла, то и ты сможешь. Надо просто сильно захотеть и приложить немного усилий. И вот, что я тебе скажу: хорошо учиться проще, чем быть троечницей.

– Это еще почему?

– Все просто. Во-первых, нет постоянного стресса и давления со стороны учителей. Никто не проедает тебе плешь. Будут без конца песочить твоих одноклассников, а ты типа не при чем, сидишь, и тебя это не касается. Во-вторых, есть такой приятный бонус – репутация. Сначала ты работаешь на нее, потом она на тебя. Сначала ты делаешь рывок, учишь, подтягиваешь, а потом учителя принимают тебя в новом качестве и уверены, что ты постоянно учишь и все знаешь, хотя это далеко не всегда так.

Я задумалась над ее словами. Меня волновал только один вопрос.

– Тебе это в жизни вообще пригодилось?

– Конечно. Только не так, как ты думаешь. Мои оценки не играли почти никакой роли. Ну, ты знаешь, я пошла своим путем, и про аттестат меня редко спрашивали. Но вот умение быстро схватывать новое, много запоминать и правильно подавать себя решало массу проблем. Так что... думай сама, как тебе лучше. Но я в тебя верю.

Она говорила так твердо, что во мне появилась слабая надежда на успех. А вдруг и я смогла бы? Было бы неплохо. Я мечтала, чтобы в школе меня перестали прессовать и втаптывать в грязь учителя, чтобы утерлись задаваки-одноклассницы, чтобы родители могли мной гордиться. Это было бы так круто! Иду я по школе, и не надо прятать глаза от учителей, ведь я все знаю, и они меня за это уважают. Пацаны просят списать, но я сама решу, кому помогу, а кому нет.

Мое фото могут даже повесить на доску почета в рекреации, и вся мелкота, которая там носится, увидит, что я бест оф зе бест! Крутяк! Один вопросик:

– А трудно было? Ну, я имею в виду, подтянуть учебу.

– Да нет, не особо. Надо только сильно захотеть.

Конечно же, я захотела. Очень сильно. Так сильно, как может хотеть чего-то начинающий жить человек лет четырнадцати. Всем сердцем. Это стало первой настоящей целью в моей жизни.

Но путь к цели оказался тернист и сложен, несмотря на то, что я приложила много усилий для его преодоления. Я билась над злосчастными учебниками, но ничего не выходило. Очень скоро мне начало казаться, что или я туповата, или Танька мне чего-то не сказала. И в итоге, промучившись со своей мечтой стать отличницей пару месяцев, я забросила эту затею и свое честолюбие, куда подальше.

Отец продолжал свои успокоительные речи про то, что все мы разные, и в этом кроется прекрасная гармония мира и вселенское счастье. Каждому дано что-то свое, а что-то не дано, чтобы соблюсти некий баланс. Слушая подобное каждый день, я начала снова свыкаться с этой мыслью. На моей страничке в социальной сети навек прописался забавный пакемон Псайдак, как воплощение меня. Он тоже ничего не умел, и у него все время болела голова. Это была такая шуточка, самоирония. Но в каждой шутке есть доля шутки, а остальное правда. Поэтому хреново, когда ты даже

в шутку называешь себя королевой, но если Псайдаком, то это еще хуже.

Я избегала встречаться с Таней. Меня изводило странное чувство стыда, будто я ее подвела в чем-то. На ее приглашения приехать в гости я отвечала отказами под любым возможным предлогом, а когда она приезжала к нам навестить, я старалась уйти гулять. Но как-то раз ускользнуть мне не удалось. Мы столкнулись как раз в прихожей, когда я собиралась сбежать на прогулку, прихватив плеер.

– О, привет! Ты куда это?

– Гулять.

– Можно мне с тобой? – она скосила глаза на проводки наушников, вьющиеся у меня по куртке. – Ты ведь одна идешь?

Отнекиваться было глупо, и я согласилась. Сестра прихватила с собой свою собаку, которую взяла в гости (приветриться), и мы пошли. На улице уже была весна. То самое время, когда почти весь снег сошел, дни стали теплыми, солнце ярким, но вечерами лужи схватывал тонкий, прозрачный ледок.

Сестра после школы переехала в более крупный город по соседству, но что-то ее всегда тянуло к нам, в нашу глушь, хотя здесь невообразимое болото. Она повела меня туда, где когда-то, в моем возрасте, любила гулять сама. Солнце начало медленно садиться за крыши домов, и мы по узкой улочке прошли на небольшой холм, чтобы посмотреть на эту картину. Улица спускалась с пригорка вниз двумя рядами по-

сившихся домов по обеим ее сторонам, а дорога, вся схваченная тонкой корочкой льда, пылала, отражая закатное море.

«Кровавая дорога» – подумалось мне.

– Как дорога в ад...

– Почему?

Я только пожала плечами и понуро уставилась в землю.

Таня возразила:

– Мне всегда нравились вечера в это время года.

– Это потому, что у тебя скоро день рождения, – пробурчала я, играя в пальцах наушником-каплей, который так мне и не пригодился в эту прогулку.

– Не в этом дело. Воздух особый. В больших городах не такой, но здесь земля начинает дышать, и появляется этот запах. Наверно, это прозвучит излишне поэтично, но он такой тревожный, щекочущий, зовущий куда-то. Это запах начала жизни. Я раньше ходила по нему с ума. Такие закаты вызвали во мне шквал эмоций. Мне так мечталось в это время. Мне верилось во все! В невероятное будущее! И такое восторженное чувство в груди, будто тебя сейчас разорвет, и ты разлетишься тысячей осколков вот такого тонкого льда, и будешь похожа на первые звезды.

Ее слова меня раздражали. Танька всегда умела красиво сказать, а что толку?! Мне от этого сделалось тошно, и я съязвила:

– Еще нет звезд.

Она развернула меня за рукав и указала на уже зажегшуюся первую звезду на краю неба.

Неожиданно для себя, я спросила:

– О чем ты мечтала в моем возрасте?

– Ну... построить свою жизнь так, как я теперь ее строю. Свободно. Без лишних условностей и правил. Так что, можно сказать, все сбылось.

Мы неспешно пошли вниз по дороге. Закат угасал, и лед под ногами уже так не горел, а мне казалось, что это из-за меня. Вот я иду по нему, и во мне нет того огня, какой есть в ней, и лед гаснет и ломается прямо под ногами. Как вся моя жизнь.

– Как успехи с учебой?

– Да никак! – раздраженно ответила я.

Мне было паршиво в тот момент от всего. И от школы, и от родителей, но особенно от нее и ее дурацкого тревожно-щекочущего заката.

– А что так? – голос сестры оставался все таким же спокойным.

– У меня ничего не получается! Я пыталась, пыталась, и... – нижняя губа начала подрагивать против моей воли, дорога поплыла перед глазами.

Сестра спокойно шла рядом и делала вид, что не видит моих мук. Хоть на том спасибо. Если б меня в тот момент кто-то начал утешать, клянусь, я бы его задушила от обиды и злости. Спустя пару минут, когда я взяла себя в руки, Тань-

ка спросила:

– И что теперь?

– Ничего! Буду учиться, как училась. Мне не судьба. Я попробовала, но ничего не вышло.

– И ты считаешь, что это показатель?

– Что показатель? – не поняла я.

– То показатель! Одна неудачная попытка!

– А что? – я шмыгнула носом.

– Нет, ничего. Просто те, кто чего-то добился в этой жизни, никогда не сдавались с первого раза. Они вообще никогда не сдавались.

Я насупилась и просто шла рядом, все еще продолжая жалеть себя, но слушая то, что она говорит.

– Ты предприняла всего одну попытку. Мир щелкнул тебя по носу. Он вообще не любит, когда кто-то пытается что-то изменить. И ты поддалась! Отлично, блин! Так держать!

– Папа говорит, что мы с тобой разные. И что это даже хорошо. Должны быть те, кому все легко дается, и... другие.

Те, кому ничего не дано. Ничтожества! У меня снова защипало в носу. Только бы не разреветься...

– Ну, да. Должны. И первые отлично живут именно потому, что вторые такие жалкие. Сборище никчемных идиотов! А знаешь, в чем между ними разница?

– Ну и в чем?!

– Вторые не борются! Они не мечтают и не борются. Они плывут по течению, соглашаясь с ярлыками, навязанными

обществом. Живут, как живется, не пытаюсь изменить к лучшему ни свою жизнь, ни себя, ни мир вокруг. Так что они заслуживают того дерьма, которое их окружает и, по сути, составляет все их дерьмовое существование.

– А папа говорит...

– Неудачник он, наш папа! – не выдержала она.

– Почему?

– Да потому! Потому что он всегда ищет себе оправдание!

А чтобы расти, не нужно искать оправданий. Нужно всегда идти от себя к миру, а не от мира к себе в поисках причины неудачи.

Я нихрена не поняла, про что она говорила, но Танька терпеливо взялась пояснить мне свою мысль:

– Если у тебя что-то не вышло, нужно в первую очередь проанализировать, где ты ошиблась, а потом или исправить это, или просто не повторять в будущем. Так ты хоть сколько-нибудь продвнешься вперед. А наш папа, как и мама, как и многие другие, всегда ищет виноватых на стороне. В том, что у него карьера не сложилась, виновата мама. В том, что я – плохая дочь, виновата я. Он один посередине в белом пальто на белом верблюде за белым, бл@ть, роялем! И как ты думаешь, у кого есть шанс чего-то добиться? У того, кто признает свои ошибки, или у того, кто априори считает себя всегда правым, а всех остальных виноватыми в его бедках?!

Ответ был очевиден и в произношении не нуждался. Как же много она знает! Откуда это в ней берется? Она со-

всем другая.

Мы долго еще говорили с Таней, гуляя в сгущающихся сумерках. У меня были к ней вопросы. Темнело, а мы все гуляли. Зажгли фонари, а мы все говорили.

Я спрашивала у нее, как мне быть, а она отвечала, воодушевляя и ободряя меня. И я, кажется, начинала чувствовать этот тревожный запах праздника и новой жизни, разлитый в воздухе. Запах бунта и мечты, который она так красочно описывала.

Придя домой, я разработала план. На учебу до конца года я налегала по мере сил, но не очень. Я готовилась. Мне предстоял блицкриг. В начале лета нам раздали учебники к новому учебному году, и я прошерстила их все. Я перечитала всю литературу, заданную на лето, чтобы в новом учебном году не тратить на нее свое время. Я ходила к репетиторам, пока все мои одноклассники загорали на пляже. И осенью я пришла на первое сентября совсем другим человеком.

И мой восьмой класс был незабываемым. Это был год моего триумфа и год достижения первой поставленной мною в жизни цели.

#одноклассники

Двадцать три человека, бесконечно достающих друг друга, выискивающих друг в друге недостатки, с которыми невозможно примириться. Четырнадцать из нас вместе уже без малого одиннадцать лет, с самого первого класса. Не все семейные пары могут похвастаться такой долгой историей. Казалось бы, мы должны были стать за это время чуть ближе, чем просто люди, знающие имена друг друга. Мы должны были хоть чуточку привязаться к своим собратям по несчастью. Но нет. Большинство из нас друг друга бесит.

Что касается остальных девяти человек, то они нас бесят чуть меньше, но зато друг друга раздражают в той же степени.

И все вместе мы класс. 11-ый «Б».

Учителя отзываются о нас, как о бездарях с безобразной дисциплиной, и всегда ставят нам в пример другие классы. Хочется верить, что это просто такой трюк, чтобы разжечь в нас жажду соперничества, ведомые которой, мы станем лучше. Но это провальный план. Можно сколько угодно бить хлыстом дохлую лошадь, но быстрее она от этого не станет. У нас было долгих одиннадцать лет, чтобы умереть для таких фокусов.

Меня печалит, что нас так не любят. Конечно, не так печалит, не до слез и истерик. У меня нет этой глупой болез-

ни, жажды внимания и всеобщей похвалы, в отличие от моей главной соперницы в классе, Яны Калиты. Но мне все же немного грустно за нас. Хотя с другой стороны, как можно нас любить, когда мы сами себя не любим? Нас не существует. Нет той прекрасной общности духа, о которой будет петься на выпускном. Это очередная ложь для придания важности моменту нашего расставания.

Но до этого надо еще дожить. А пока мы вместе, в одной неразрывной упряжке, как ни противно это признавать. Готовимся к сдаче ЕГЭ и к КВН-у, будь он неладен. Все крохи моего драгоценного свободного времени я трачу на это убожество, на бесполезную подготовку к игре. Всем же и так понятно, мы не победим. В жюри те самые учителя, для кого мы никогда не сможем стать номером один. Но долбанному 11-му «А» нужно кого-то обходить на пути к бесполезной победе тщеславия, рвать на тряпки чью-то самооценку. Поэтому готовятся все классы.

Вангую! Вот все выступили с приветствием. Учителя готовятся ставить оценки. Классуха «ашек» обводит все жюри строгим взором. Она – УПС! – как бы случайно завуч и как бы невзначай ДОЛЖНА сидеть в ряду судей. И поэтому, какой нежданчик, какая интрига, все самые высокие оценки достаются ее обожаемому классу.

И к бабке не ходи, так и будет. Я подумываю замутить подпольный тотализатор и принимать ставки. Предварительно пустить слух, что мы готовим просто бомбу, и что в жю-

ри будут перестановки, которые, очень кстати, послужат нашей победе. Кто проверит? Народ поведется, как миленький. Можно было бы хоть подзаработать на нашем проигрыше. Кстати, идея, и правда, неплохая. Но это так, мечты-мечты.

А пока вокруг одна суровая реальность. Суровая в своей тупости. У нас репетиция и мы, собравшись, закрылись в классе, раздвинули парты и что-то, типа, репетируем. Хотя, сказать по правде, на реальную работу тратится от силы процентов двадцать времени. Все остальное идет на глупые препирания, борьбу за власть, нелепый флирт и прочий бред. Например, сейчас за шкафом целуется одна придурковатая парочка. Это раздражает не меня одну, но мы молчим, снисходительно и брезгливо делая вид, что ничего не замечаем.

В самом начале я пробовала подкинуть этому болоту пару годных идей, но мои инициативы зарубила на корню наша любимая Яночка Калита. Она всех перекрикивает и обижается до слез, если ее не слушают. Возможно, поэтому мы делаем то, что она предлагает. Выходит тупое и унылое бл@дство, но мне уже как-то пох.

Несколько парней самоустранились и сидят в углу, угорая над нашими нелепыми потугами. Ненавижу, когда так делают. Я обрываю свою фразу на середине и кричу им:

– Чо ржете?! Можете предложить что-то получше?!

Леха Жилин, парень, которому я нравилась примерно год назад, невозмутимо отвечает:

– Ну, вот ты в начале говорила, помнишь? Норм была

идея. Уж лучше бы...

Яна не дает ему закончить и раздражается визгом:

– Мы же уже решили, что будем делать так! Конечно, легко обсир@ть чужие идеи, когда сам ничего не делаешь! Мы уже столько времени потратили, а теперь давайте все бросим?! Ну, конечно! Я тут все за всех придумала, все сделала, а теперь давайте все порушим и облажаемся перед «ашками»! И вообще перед всеми! Отлично!

Он пытается ее урезонить:

– Да времени еще вагон. Успеем переделать.

– Переделать?! Ну, да! Вот и переделывайте тогда без меня! Разъ@бывайтесь тут, как хотите! Сами!!!

Она срывается с места, выдергивает свою куртку из кучи, сваленной на задних партах, и стремительно идет к двери. Уже уходя, оборачивается и говорит:

– Удачи вам! Посмотрю, как вы тут САМИ справитесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.